

да на миллионах солдатских пряжек: «С нами бог». Вот он, тот самый «бог», который сопровождал нацистов в их злодеяниях. — он теперь в краденом кожухе, в бабьем платке, весь насквозь пропитанный водкой. С оружием в руках грабит он женщины и детей. Моральное разложение бывшего шарфюрера войск СС «сверхчеловека» Буллингера подчеркивает с житейской наглядностью простосердечный «чужак» Швейк. Нет, он не козыряет здесь (как когда-то на допросе в гестапо) сирывкой о своем «официальном идеализме». Он просто отбирает у Буллингера краденый кожух, чтобы отдать

его русской женщине. И с мудрой предосторожностью советует двум своим собратьям-дезертирам захватить, удрав от нацистов, и оружие...

ВРЯД ЛИ есть смысл, да и необходимость, перечислять все те метаморфозы, которые претерпели на протяжении трех действий комедии ее многочисленные персонажи. Пожалуй, достаточно будет, говоря об общем облике спектакля, вспомнить о появляющихся в прологе солдатах фюрера. Художник Дан Помияну и режиссер Лучиан Джурлеску сумели экономно, но точно и выразительно воссоздать детали, говорящие о многом через малое... Солдаты Гитлера, выходящие в начале действия в почтительный караул, ковыляют гонимы на костылях.

Бухарестский театр комедии избегает испытанных жанром трюков и не стремится смешить зрителя приемами, лежачими, казалось бы, на поверхности самого сюжета. Спектакль заставляет думать. И это — самое главное в нем.

Есть в этом молодом театре, которым руководит популярнейший в Румынии актер и режиссер Раду Белгани, и совсем другие работы — по стилю, по жанру, по краскам. Москвичи увидели за время гастролей также современную румынскую комедию В. Э. Галана «Моя подружка Пиркс» и звезду советского драматурга Е. Шварца «Топ». Какой-то из этих спектаклей понравился зрителям больше, а какой-то меньше. Несомненно одно: искусство наших друзей — жизнерадостное, умное и современное искусство.

О. КАЛИНИНКО,
театральный обозреватель
«Московской правды»

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
 4 0 ОКТ 1963

ПРЕВРАЩЕНИЯ ШВЕЙКА

Гастроли Бухарестского театра комедии в Москве

НАШ ГОСТЬ — Бухарестский театр комедии — очень молодой. Молод он не только потому, что труппа его организовалась недавно, в 1961 году, а среди тридцати шести актеров, наделенных разнообразными дарованиями, много дебютантов. Главное, что делает этот творческий коллектив молодым, — само искусство комедии, озорное, жизнерадостное.

Общность интересов румынского и советского народов находит особо яркое выражение в спектакле театра «Швейк во второй мировой войне». Написанное немецким драматургом Бертольтом Брехтом и направленно против германского фашизма, это антимилитаристское сатирическое произведение при всей своей исторической конкретности обращено отнюдь не в прошлое.

И сегодня не менее ожесточенно сражаются с милитаризмом простые люди всей земли, объединенные волей к миру. В приемах островеию протесковых рощей такой персонаж комедии Брехта, как Адольф Гитлер (актер Мирча Шенгилан). Чудовищно огромная, раздувшаяся чуть ли не до размеров фау-снаряда голова фюрера и утрированный грим олицетворяют его звериную, античеловеческую сущность.

Люди, которых он — этот демократический и веселый театр — любит, глубоко правдивы и убедительны в своих чувствах, мыслях, поступках. Мы верим главному герою пьесы Швейку (Флорин Скарлатеску). Верим в его порядочность, гуманность, справедливость. А вечно голодный Валуц — уличный фотограф, друг Швейка? А милая рачительная хозяйка трактирчи-

ца Анна Копеца, которая носит обед своим клиентам даже тогда, когда фашисты заключили их под стражу, на так называемую трудовую «службу»?

Нечто гораздо большее, чем привычка к оловянной мирной трапезе в трактирчике, объединяет всех этих людей. Это видится в том неистовом юморе, с которым Швейк надевается над епископом самодовольством эвевонца Муллера, над подлым угодничеством провокатора Бруттшнейдера, который даже ходит, словно весь распластавшись в поклоне.

А вот Швейк, вписанный злой солдатской судьбой в спектакле пришлоекие равнины, вспоминает мирное житье в любимой Праге: друзей, трактирчик, всегда приветливую Ашу, заботливо сохранившую его «трагический» фетровый котолок. И эти призрачные «вспоминания» воспринимаются отнюдь не как режиссерские «новации»: это само воспоминание, тешищеся в глубине души у вырванного из родной обстановки человека. И чем дороже Швейку его Чехословакия и мирная жизнь, тем ярче и острее контраст его воспоминаний с реальной действительностью. В частности, такова встреча Швейка с попом-мародером Буллингером, роль которого со злым юмором, доходящим порой до сарказма, играет Нон Лучиан. При взгляде на него поневоле вспоминается sacramентальная фраза, шагмпованная неког-